

ПОСЛЕВОЕННЫЙ
КРИМИНАЛЬНЫЙ
РОМАН

КОРОЛИ ГОРОДСКИХ ОКРАИН

ВАЛЕРИЙ ШАРАПОВ

**НЕ ВРЕМЯ
УМИРАТЬ**

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш25

Художник — *Алексей Дурасов*

Шарапов, Валерий Георгиевич.

Ш25 Не время умирать / Валерий Шарапов. — Москва : Эксмо, 2025. — 352 с. — (Короли городских окраин. Послевоенный криминальный роман).

ISBN 978-5-04-205561-4

В послевоенном Подмоскowie объявился маньяк. Своих жертв, девочек-подростков, нелюдь убивает с особой жестокостью: выкалывает глаза, разрезает рот, после чего душил. В лапы убийцы едва не попала и пионервожатая Оля, случайно оказавшаяся в лесу. Только чудом девушка осталась жива. Ее друг Колька Пожарский горит желанием лично поймать преступника, который мерещится ему на каждом шагу. Он готов сидеть вместе с милицией в засадах, участвовать в облавах, преследовать подозрительных типов. Но убийца всякий раз остается невидимым и неуловимым. Юный сыщик уже близок к отчаянию, когда судьба предоставляет ему реальный шанс остановить зло...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Шарапов В., 2024
© Оформление ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-205561-4

Колька Пожарский, похватав вхолостую воздух, спросил таинственно-плотоядно:

— Итак, Gladkova, мы одни в темной комнате. Что делать будем?

Невидимая Ольга фыркнула и довольно ловко огрела парня по рукам:

— Не глупи. Лучше глянь кругом: как вообще, свет ниоткуда не пробивается?

Причина, по которой рано утром в субботу эти двое оказались в школе, да еще и в полной темноте, была такова. Накануне завершили показательный смотр строя и песни дружины. Запечатлевая его для истории, Оля добила пленку в общественном фотоаппарате «ФЭД». Теперь предстояла ответственная работа: не имея ни малейшего опыта, извлечь пленку так, чтобы не засветить, и проявить негативы так, чтобы не напортачить, иначе нечего будет вклеить в стенгазету.

Это будет дебют, к тому же в только что оборудованной фотолаборатории.

Директор школы, Петр Николаевич Большаков, неоднократно напоминал о том, что от сердца оторвал шикарное помещение под фото, а где резуль-

таты? Так ведь пустая комната не может считаться лабораторией, как минимум часть помещения должна быть темной! Позабыл он, что ли? Робкие намеки Оли на то, что нужны к тому же столы, лампы, кюветы, оборудование, — принимались с ледяной холодностью и оставались без внимания.

Пришлось выкручиваться своими силами. И три недели кряду Колька на пару с Пельменем или Анчуткой — в зависимости от того, кто филонит на этот раз, — занимались полной хреновиной, в собственное свободное время оборудуя фотолабораторию. Яшка, признанный спец в отделке, лично законопатил все щели, тщательно выровнял, загрунтовал, выкрасил стены и перегородки в безукоризненный черный цвет. Пельмень достал лампы — простую и красную, проложил направленный свет. Колька сколотил два стола — один для проявки, другой для зарядки кассет, фотопечати и увеличения. Уже коллективно, изрыгая проклятия, изучали запутанные чертежи диковинных приборов. Мучились довольно долго, пока Колька, потеряв терпение, не сделал так, как видел на фотографиях, а не так, как накалякано криворукими на чертежах. На удивление, тот же стол-ванна для проявки получился на ять, не хуже того, что в книжках. Отпарафинили как следует все щели, стыки дна, стенки — хоть рыбок запускай.

Запустили Ольгу, принимать работу. Тут попутно выяснилось, что эта хитрованка, которая все время ходила с умным видом, тыча пальцем туда-сюда, неодобрительно цокая языком, сама понятия не имела,

что делать со всеми этими штуками. Книжечек читалась! Нахваталась по верхам и на этом ветхом основании строила из себя фотолобителя. Но поскольку девушка она хорошая и воспитанная, то от души всех поблагодарила.

— Спасибо не булькает, — пошутил было Анчутка, но, получив по сусалам (словесно), благовоспитанно сказал: — Пожалуйста, всегда рады помочь.

Вот, работы закончились. И вот теперь на Николая возложена особая миссия. Он должен придавать смелости и бодрости товарищу, которая впервые в жизни будет проявлять пленку с кадрами, фиксирующими для вечности (и райкома комсомола) достижения пионерской дружины школы № 273. Пожарский посмел было заикнуться о том, что было бы куда проще и надежнее съездить в фотоателье, но Ольга возмутилась и понесла ужасную чепуху о самостоятельности, небоязни ответственности. Пришлось заткнуться.

Впрочем, и ему довелось потрудиться не только моральным ободрителем. Он под путаным, невнятным Ольгиным руководством сматывал в «Феде» пленку, потом извлекал ее — сама Гладкова трусливо избежала этой ответственности.

— Задняя крышечка неплотно прилегает, — мялила она, — ты уж постарайся.

Далее на пару химичили, подбирая и заливая колдовские настои, все эти проявители-фиксажи. Гладкова, нервничая, особо трепетно настаивала на кристальной чистоте рук и точности:

— Триста кубиков! Не больше!

Наконец Колька с облегчением вручил ей наполненный бачок и попытался смыться — но ничего не вышло, она требовала его дальнейшего присутствия.

И вот они вдвоем в темной комнате. Ольга, пропихав благословение сомнительно-поповского содержания, принялась сматывать пленку.

Вообще, как следовало из книжек по фотомудрости, надо было предварительно обкатать эти умения на куске испорченной пленки, но таковой не оказалось. Витька Маслов, стараниями которого «Федя» появился у Ольги, содействовать отказался: «Подай вам фотоаппарат, подай вам и порченной пленки! Не желаете ли навоза на лопате?!»

Понадеялись на Ольгины навыки работы вслепую, приобретенные в бытность юным стрелком. Она шуршала в темноте, Колька стоял паинька паинькой, придавал уверенности и болел за нее душой. В темноте слышались признаки того, что и эта важнейшая операция удавалась. Колька издал ободряющий возглас и продолжил ободряюще же стоять. Сосредоточенное шуршание и много еще переживательных моментов пришлось вынести. Но вот Оля наконец объявила, что все получилось и можно извлекать. Теперь она с важным видом протираала пленку ветошкой.

— Ух ты. И чего, можно смотреть?

Она солидно заявила:

— Нет, сначала надо высушить. — И пристроила свою драгоценную дебютную пленку в сушильный шкаф, сколоченный и оборудованный Пельменем.

— Долго ли?

— Часа четыре.

— Времени много. Может, пойдем погуляем? Или искупнемся?

Ольга заметно колебалась. Колька решил, что она боится замерзнуть, и внес поправку:

— Или позагорает?

Она призналась:

— Ужас как интересно, что получилось. Наверно, можно и не четыре часа ждать. Посидим тут?

...Гоняли чай с баранками, делились новостями.

У бедной Ольги они снова были не особо радостными. Сменилась третья секретарь райкома комсомола, которая как раз курировала пионерские дела. По слухам, теперь это ядовитая тетка с претензиями, причем питает особо нежные чувства к книгам. Но не в хорошем смысле, а мечтает перетрясти все школьные библиотеки на предмет вредоносной литературы.

— Какой-какой?

— На иностранных языках или какой-нибудь что-то искажающей.

— Ага. С чего вдруг сейчас?

— Говорят, какой-то циркуляр спущен о том, что надо всю неодобренную литературу куда-то сдать с рук долой по описи.

— Это понятно. Почему ищут вредоносное в школьных библиотеках? Негде больше?

Ольга скривилась:

— До других-то мне какое дело? А у нас сомнительное имеется, и премного.

— Это которые от эвакуированных остались.

— И эти тоже, — обтекаемо отозвалась Ольга. Не станет же она признаваться, что самолично пополнила фонды сомнительной литературой, рыская на Кузнецком Мосту.

— Который год ты их выкидываешь, никак не докинешь.

— Ну сразу ерничать. У меня рука не поднимается.

— Велика печаль — макулатура!

— Да выкинуть-то нетрудно, а где потом брать?

— Тебе-то зачем?

— Затем, — назидательно заявила Гладкова, отбирая у него третью баранку. — Литература на иностранном языке весьма полезна. Прочитывать страницу-другую увлекательного текста — лучший рецепт для поддержания интереса к предмету...

Колька заинтересовался:

— Кто тебе такой лапшень на уши навесил? Кой смысл читать, если не понимаешь смысла?

Оля открыла рот для ответа, потом до нее дошло, что в словах любимого человека рациональное зерно присутствует. Закрыла. Глянула строго-вопросительно. Колька пояснил мысль:

— Я имею в виду, что правильно решили наверху. Порядок и в книжках нужен. Пусть заберут от греха подальше, проверят с академиками, переведут на русский, а уж потом пусть детки хоть до дыр зачитают.

Ольга прищурилась:

— Это ты-то толкуешь о порядке?!

— Толкую, — признал он. — А чем недоволен-то? А еще будущий педагог.

Гладкова надулась и замолчала. Колька, втихую насладившись триумфом, примиряюще возобновил беседу:

— Пес с ними. Между прочим, знаешь, кто к нам вернулся?

— Кто же?

— Алька Судоргин!

Оля удивилась:

— Ну надо же! Я думала, его папа уже где-нибудь так высоко, что отсюда не видать.

— Вот нет, въезжают. Сам видел, когда к тебе сюда шел. Как раз с подводы сгружали пианино. Мама и бабуля бегают-суетятся, а Алька, представь, помогает ломовикам!

— Алька? Ломовикам? Ври больше.

Алька, старый знакомый, бывший Колькин одноклассник, в жизни ничего тяжелее ложки с кашей не поднимал. Единственный сыночек и внучок, чахлый, сызмальства в шалях и платках, до бровей накачанный рыбьим жиром, с пяти лет в музыкальной школе — и на тебе!

Однако Колька настаивал:

— Именно Алька, и на самом деле помогал. Честно пытался. Ничего, физкультуркой годик-другой позаниматься, и с десятков кило прибавит — и будет окончательно нормальным человеком. Хотя что я, он по умственной части. Ну, обнялись, поболтали...

— Чего это они вернулись, где пропадали?

Колька, припомнив, признал, что Алька как-то смутно об этом говорил:

— Дядю Борю перебросили на другой фронт, что ли. Честно сказать, я не вникал. Зато вот! Вашего халдейского полку прибыло: он в педучилище учится, на заочном.

— Здорово, молодец. А вроде в филологи хотел.

— Он и теперь словами сыплет, правда, какими-то странными. Поспрашивал о судимости с таким умным видом да как начнет сыпать: «ходатайство», «надлежит», «обязуется» и прочее в том же духе.

— Разносторонне развитая личность, — рассеянно заметила Оля и, спохватившись, глянула на часы: — Ой, уже можно, как думаешь?

— Почему мне знать?

Она, не слушая, бормотала что-то про чувствительность, пробу ногтем, толщину эмульсии, проносила какие-то заклинания, а сама, как опасливая ворона, подкрадывалась к шкафу с пленкой все ближе и ближе. Хмуря брови, что-то приговаривая, то тянула к нему руки, то, снова взглянув на часы, отдергивала, точно обжегшись. Снова тянула, вновь

отдергивала. Наконец, решившись, открыла шкафчик, извлекла пленку.

Стало неловко, точно подглядываешь за чем-то важным и сугубо личным делом — Колька и отвернулся и сидел, старательно глядя в стену, пока дрожащий, ломающийся голосок Оли не позвал:

— Коля. Тут что-то... жуть какая.

Руки у Ольги тряслись, и, чтобы рассмотреть один из кадров — их было несколько, почти что одинаковые, — пришлось самому взять пленку. Черт его знает что тут. Это ж негативы, все перевернуто: черное — белое, белое — черное, к тому же снято не особо ясно, местами расплывчато.

И все-таки видно, что какая-то кукла-негритянка лежит на траве. Колька почувал гадливость, и, признать, у него поджилки затряслись. Большая кукла, голая, ноги бесстыдно вверх, и то место, которое должно было быть закрыто трусами, истыкано чем-то острым. Белые волосы веером, брошен на них какой-то цветок типа василька, их много растет по обочинам. Оба глаза выдавлены, а на месте рта — дыра, скол от уха до уха.

«Ну, поглумились и бросили, что тут такого? Просто кукла», — подумал Колька и нарочито грубовато, подтрунивая, спросил:

— И что с того, чего ты-то раскисла? Игрушка же.

— Игрушка, — подтвердила Оля, с трудом передохнув, — только зачем же так? Красивая и как живая, образ же человеческий.

Последнее слово она произнесла так, что Колька понял — готово дело, сейчас дождь начнется. Сурово призвал к порядку:

— Оставь детство. Это не живой человек, всего-навсего кукла. Глупые дети игрушкам головы отрывают, выкручивают руки-ноги. Что ж теперь, по любому пупсу рыдать?

— Оно дело — просто ломать. Так не выкалывают же глаза, не бьют, не колют, да еще где.

Все, беда на подходе. Колька уже слышал в ее голосе слезливые нотки.

— Так, закрыли тему. — И, отобрав у нее несчастную пленку, повесил обратно в шкаф. После чего, обняв, повел прочь из лаборатории домой. Какие уж тут купания?

Ему и самому стало не по себе от этой дурацкой картинки. В войну насмотрелись потерянных игрушек, но — и Колька это отлично помнил — все к ним относились как к детям. Нежно то есть. Одна потеряла — вторая подобрала, вымыла, косичек наплела, обшила.

«И кукла-то какая красивая, видно, что дорогая. У кого рука поднялась?»

...Проводив любимую плаксу домой, Колька понял, что надо заглянуть в фабричную общагу.

В комнате, где обитали Пельмень и Анчутка, вполне ожидаемо оказался домосед Андрюха, паяющий у окна очередную штуkenцию. Не отрываясь от раскаленного жала, придавая шву одному ему видимое совершенство, поприветствовал:

— А, Никол?

— Здорово. — Колька пожал выдвинутый локоть.

— Как вообще жизнь-то? Рассказывай, — пригласил Пельмень и уточнил: — Там, под койкой, имеется.

Колька извлек банку, в которой плескалось на несколько стаканов «Жигулевское», и достал две плотвички. Выслушав историю про первую волнительную пробу их общего с Ольгой творения, Андрюха вынес из нее то, что было интересно ему:

— Годный сушильный шкафчик получился.

Колька сначала не понял, о чем речь, потом признал:

— Ну так неплохой.

Отхлебнув бодрящего напитка, Андрюха продолжил паять. Еще с четверть часа прошло, Колька, подумав, принял еще стаканчик. Хорошее пиво, прохладное, свежее.

— Судоргины приперлись.

— Насчет Альки я знаю, — поведал Пельмень, — он и сам приходил вчера в кадры.

— Устраиваться? Зачем ему, он разве не учится?

— Учится он заочно, так что обязательно где-то надо трудиться, иначе попрут, — объяснил Андрюха, — сказал, что если в другом каком-то месте не оформят, то к нам. И подвалил, точь-в-точь как в детстве, возьмите, мол, в компанию.

— Да ладно, в общагу?

— В точности.

— Что-то дядя Боря скажет.